

Замечательному советскому писателю Юрию Бондареву — 60 лет.

Он лауреат Ленинской и Государственной премий, секретарь правления Союза писателей СССР и РСФСР, у него — заслуженная, поистине всенародная слава. От души поздравляя Юрия Васильевича с днем рождения, «Неделя» по традиции предоставляет слово самому юбиляру.

Один из сборников публицистических произведений Юрия Бондарева называется «Человек несет в себе мир». Давайте вместе перелистаем его и порадуемся глубине, гуманности, силе мысли, чистоте чувств, прекрасному богатству языка.

мать, дети, Родина, ее правда и правда человечества, и я не исчезну даром, как безымянная пылинка, в небытие. Этот миг — наивысшая точка нравственности, осознанной справедливости — не только критерий солдатского поступка в условиях войны, но критерий любого характера наших дней. Каждый проходит в определенный срок по острой грани «быть или не быть?», по грани испытательной альтернативы, определяющей самоутверждение личности — в любви, поисках добра, в борьбе против зла, на поле боя, в собственной квартире, в научной лаборатории, на конвейере современного завода или возле буровой вышки в Сибири.

Нравственность в обстоятельствах развития цивилизации — не свод предупреждающих заповедей, хотя и в них есть рациональное зерно, не усвоенное расписанные светлого и темного в человеке, а живая совесть каждого, ощущение прекрасного и доброго в реальности и сопоставление тому, что окрашено зловещими тонами равнодушия, холода, жестокости, античеловечности.

Я ставлю знак равенства между нравственностью и социальной совестью...

Великая русская литература была в высшем смысле нравственной — от ее традиции, словно бы омгтой слезой ребенка, которая дороже всех богатств мира, от ее мучительных поисков самоусовершенствования и вместе ивано-карамазовской проблемы губительной «вседозволенности» до чеховской хрупкой мечты о красоте, до революционности Горького. Литература наша никогда стыдливо не пряталась за слова, зная их силу и зная трудное значение «печрежитой истины». Нет, на лице нашей литературы никогда не появлялось таинственное выражение посвященного. Она никогда не лицемерила и аскетически не ела только черный хлеб и не пила только пустую воду. Русская проза всегда была историческим измерением человека и его духа. Великие вечные темы человечества разрабатывала она: мужество, борьба, раскаяние, вина перед чужой болью, преодоление гордыни, цель и смысл жизни. Подлинный художник заставляет мыслить и вызывает в нашем воображении либо глобальную метафору, либо душевное состояние, либо настроение. Беспощадность Гоголя, скромность Чехова, одержимость Толстого, неистовая страстность Достоевского, пронзительная поэтичность Бунина,

ном искусстве нет ничего похожего хотя бы отдаленно: произведение это единственное в своем роде.

...Выбор — как выбор смысла жизни. Это верно. Русский человек в муках ищет, как ему жить. Поэтому у него обостренное отношение к своей и чужой боли и тысячи сомнений. Необходимость быть душевно чистым (все время) и подчас невозможность быть чистым в силу разного рода обстоятельств рождает стыд, смятение, дух противоречия, глубочайшее раскаяние после совершенного проступка: «Зачем? Что я сделал?» Тогда самоистязание, казнящее самоуничтожение, мучительное урызжение совести. Ничего подобного вы в другой литературе не встретите. Бесподобная флюберовская Эмма Бовари не сомневается. Она ищет наслаждения без страданий. И возмездие, павшее на Анну Каренину, — это наказание более высокого нравственного порядка, чем наказание Эммы. А какой сушок противоречивых чувств в «Тихом Доне», доведенных иногда до непереносимой, предельной боли, до смертельного исхода. Вспомним три жен-

Юрий БОНДАРЕВ:

ЧЕЛОВЕК НЕСЕТ В СЕБЕ МИР

Человек не познает себя в состоянии самодовольства и удовлетворения. Читали ли вы роман о счастливой любви, о счастливой семье, что, вне сомнения, нередко в реальной жизни? Могу ли я назвать хоть бы один такой талантливый роман? Затрудняюсь я, и затрудняетесь вы. Такого романа просто нет. Не крайности ли — любовь и ненависть, жизнь и смерть — предмет исследования? Лишь та любовь интересна нам, где есть доля сомнения, неудовлетворенности, злого холода, неоправданной ревности, несовместимости, и, как правило, лишь такая любовь вызывает у нас острую сожаления, горечи, сопереживания, зависти, неприязни. Ибо в незавершенности присутствует элемент домысливаемого действия «магнитного поля». Я хочу говорить об искусстве, которому противопоставлены грубая прямолинейность доказательств и химическая имитация явлений жизни, — о том искусстве, что раскрывает правду чувств в преодолении. Без открытия истины в ее крайностях и столкновении, без познания прекрасного, таинственного, трагедийного искусство становится бытовой информацией.

Искусство продлевает человеку жизнь, добавляя к его духовному опыту чужой опыт, другое восприятие жизни, возможно, более сконцентрированное, более углубленное воображением писателя. Книга — это целая, собранная в фокусе, жизнь героя или героев, даже в том случае, если действие разворачивается в течение одного дня. Книга — это катаклизмы истории, движение революций, расцвет и падение общества, войны, любовь, ненависть, поиски добра. Книга высвечивает ложь, которая не любит света и предпочитает скрываться в тени, книга утверждает истину, которая познается не без труда.

Познавая жизнь через литературу, читатель удовлетворяет извечное любопытство к миру, к самому себе, накапливая мироощущения, духовную энергию, страдая, радуясь, очищаясь, становясь мудрее, проживая не одну, а несколько жизней, — и тем самым удлинит срок собственного существования на земле. Там, где разные социальные причины снижают интерес и потребность в искусстве, происходит утрата нравственных ценностей, и тогда начинается нищета духа, пустота обесцененного, но не радостного бытия, преждевременная смерть сознания.

Всякий художник должен быть верен правде, в противном случае ложь убивает талант, ядовито развращая его, — и, таким образом, искусство отчуждается от народа, который отвергает и медовое словотечение, и сюжетные зигзаги в пустоте, и литературное дурачество, и шутство. Нельзя простить и растворение писателя в цинизме; вместе с тем искусство, подчиненное и обескровленное практицизмом, равно незаконно в области эстетики.

мятежность Горького, народность Шолохова, языковая объемность Леонова — в этих определениях я постарался быть предельно объективным, учтя канонические законы, хотя определения мои несут и оттенок субъективности, без чего, впрочем, разговор о литературе теряет нужность. Мысль и чувство находят свое отечество везде, где живет человек, еще не заменивший душу выжженной и обезвоженной пустыней. Творит не только писатель, но и читатель. Во время чтения происходит процесс второго творчества — читательского, это самый благословенный и благородный процесс, ради которого и пишутся книги. В этом случае национальное становится общечеловеческим, достоянием всех людей.

Все, даже исключая друг друга, стили в мировой истории искусства уравнивает одно — власть таланта.

Природа — не сырье для цивилизации, а прекрасный солнечный дворец, в который человек должен своим трудом, волей, разумом вносить усовершенствования и изменения. Нет большего преступления, чем насиловать, уродовать, извращать природу. Природа, неповторимая во Вселенной колыбель жизни — это мать, родившая, вскормившая, воспитавшая нас, и поэтому относиться к ней нужно, как к своей матери — с высшей степенью нравственной любви.

Нет, творчество исключает подобострастное копирование признанных образов, потому что оно, творчество, есть движение, которое имеет начало, точку отсчета, а эта точка отсчета таланта — вся культура нации, вся мировая культура, история, жизнь, биография художника. Стоит согласиться и с тем, что нельзя учителю научить ученика философии, как таблице умножения, хотя можно в лучшем случае внушить любовь к философствованию, так же, в счастливом варианте, можно научить писать, но нельзя научить творить.

Повторение прошлых художественных открытий или неспособность искать новое замораживает писателя в раз и навсегда найденной форме, и приводит рабство мысли, и наступает омертвление живых клеток.

Традиция — это как состояние звездной туманности, из которой творящим разумом художника рождается земля. Все наиболее талантливое, созданное сейчас, станет потом традицией, которая, однако, имеет гордое преимущество перед развлекательной беллетристической — оставаться спокойной к использованию модой. Традиция переходит в современность, современность в традицию, мода исчезает бесследно.

Да, роман «Тихий Дон» — книга великая, одна из поднебесных вершин литературы; знаменательно и то, что во всемир-

ские смерти — Натальи, Дарьи и наконец Аксиньи, все они погибают ради нравственной чистоты, ради освобождения от тяжелой душевной безысходности. И в этом отношении «Тихий Дон» — самый русский роман в истории русской литературы. Женские образы в нем — натуры ярчайшие и разные, с одним, однако, стержнем — чрезвычайно сильное материнское начало, как бы сгущающее от всякой возможной скверны не только детей, но и мужей, ибо мужья для них как дети. Наталья же — один из лучших образов женщины скорбящей, любящей, терпящей, тип рублевской богоматери. Современная мировая литература такого духовного постижения сущности женщины не знала.

Науку, философию и искусство объединяет любовь к истине, однако для познания истины нужна и мастерская, где эксперимент, научная и художественная изобретательность, слово и поиски формы должны служить мысли, постижению ее глубины.

Самое ценное то, что книгу о чужой жизни ты как бы добавляешь к жизни своей, радуясь, сожалея, плача, смеясь, и тем самым углубляешь собственный мир души вместе с узнаванием людей.

Из чего складывается категория современности? Вероятно, это соединенный в одно понятие комплекс явлений, проблем, поступков, усилий множества людей, или целого общества в определенный промежуток времени. Чувство и понимание правды складывается из ряда объективных, и, если так можно выразиться, субъективных параметров. Вот сюда входит и ничем не заменимый элемент — духовный, — его нельзя потрогать руками и тотчас исчерпывающе определить его качество по ощущению, как это делают, покупая бытовой товар. Люди не сразу постигают духовную сущность какого-либо нового явления.

Большое искусство общечеловеческой мысли не имеет национальных ограничений, хотя у него есть место и время рождения, неповторимые особенности эпохи и родного края. В то же время в зрелом пору оно выходит за пределы родительского дома и тогда принадлежит всему человечеству. Но какую бы широкую славу ни завоевал художник, он закономерно рожденный сын своего срока и своего народа. Ведь почти все, что создал его талант — язык, грамматика и синтаксис, краски и энергия красок, сюжеты, жизненные конфликты и представления об идеале, — в конце концов переоткрыты не им, так как изначально возникли в глубине его народа. Художник как индивидуальность, пропускающая через себя главнейшие проблемы прошлой и настоящей истории, вносит собственные светотени, акцентировки, обобщения, являясь, в сущности, выразителем мыслей и чувств народа.